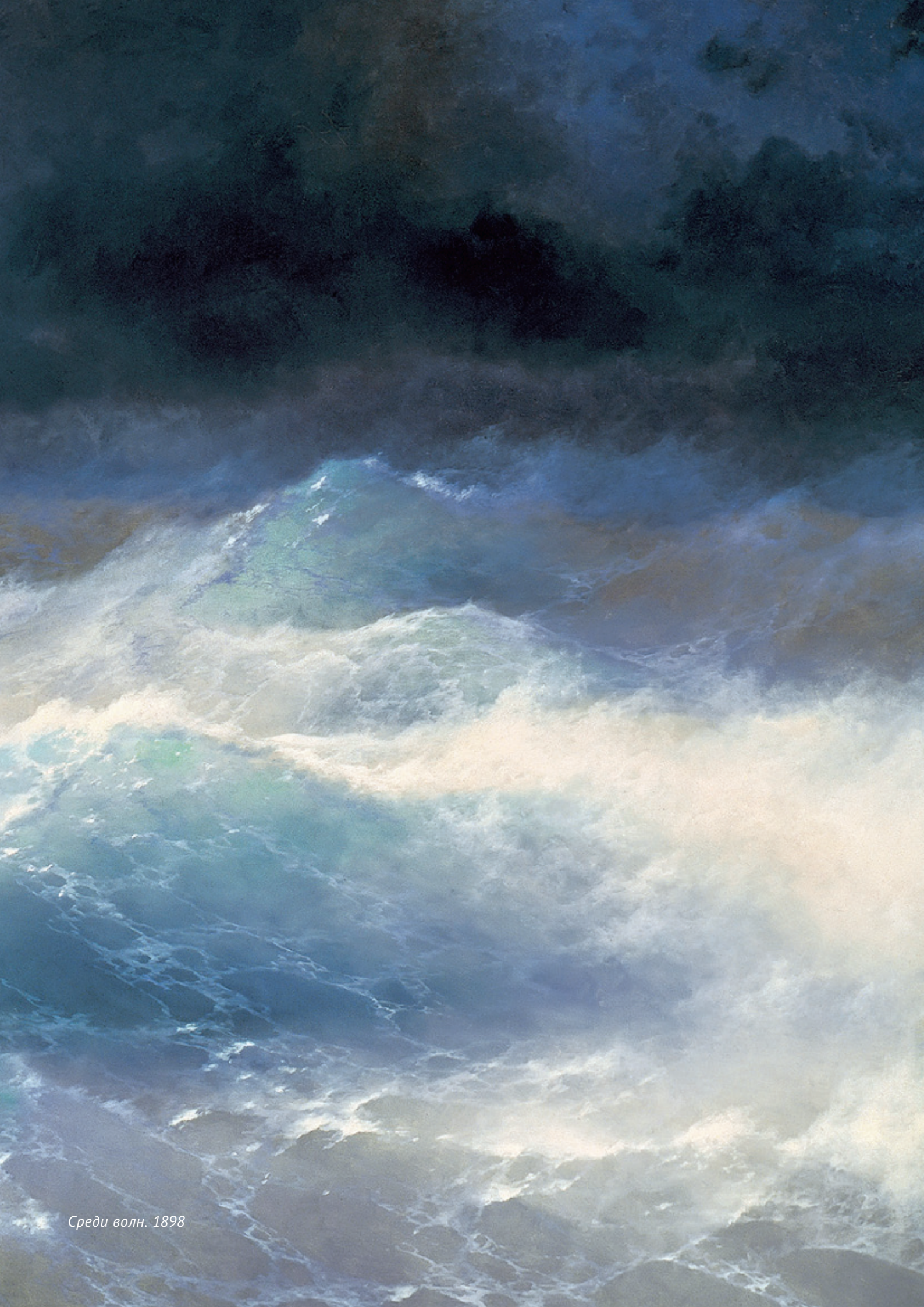

Айвазовский. Холст, море

29 июля в Москве открывается выставка Ивана Айвазовского. Она обещает стать событием не меньшим по резонансу, чем недавняя экспозиция работ Валентина Серова, очередь на которую долго была героем новостей. Третьяковская галерея соберет в своих залах 100 живописных и 50 графических произведений художника-мариниста. Накануне открытия мы постарались разобраться в том, как смотрели на его творчество современники и почему оно и сегодня так сильно поражает нас.

Среди волн. 1898

Автопортрет.
1874

Большинство зрителей привычно воспринимают Ивана Айвазовского как основоположника маринизма в России, автора «Девятого вала». Чуть более просвещенные любители искусства знают, что Айвазовский принадлежал к салонно-академическому кругу живописцев XIX века, искусство которых отличалось некой декоративностью и легковесностью. Но есть другой Айвазовский, оставивший нам картину «Черное море», о которой художник Иван Крамской написал с неподдельным восхищением: «Это одна из самых грандиозных картин, какие я только знаю».

Есть все основания назвать Айвазовского человеком почти беспечальной судьбы: хваленный и перехваленный российской и европейской публикой, среди его заказчиков и покупателей — царский двор и его окружение, неаполитанский король и султан Османской империи Абдул-Азиз. Папа Григорий XVI приобрел для Ватикана картину Айвазовского «Хаос», при том что в музее Ватикана хранятся только признанные мировые шедевры. Айвазовскому присвоили почетное звание «Живописец Главного морского штаба», и он в качестве художника-хроникера принимал участие в ряде военно-морских походов, оставив нам живописную летопись главных сражений и побед российского флота как исторических, так и своего времени. Он был близок с крупными российскими флотоводцами — адмиралами Лазаревым, Нахимовым, Корниловым, принимал участие не только в мирных морских экспедициях, но был и участником военных маневров у берегов Кавказа. «Все мое вооружение тогда состояло из пистолета и портфеля с бумагой и рисовальными принадлежностями», — вспоминал позже Айвазовский. Во время Крымской войны (1853–1856)

в осажденном Севастополе Айвазовский делает эскизы и наброски севастопольской крепости и по собственной инициативе устраивает в городе выставку своих работ, прославляющих недавние яркие победы российского флота, чтобы поддержать боевой дух моряков; известно, что народ приходил на эту выставку по несколько раз. Показательно отношение к Айвазовскому самих моряков: в день празднования десятилетия творчества художника в Феодосии приветствовать «живописца Главного морского штаба» пришли несколько военных кораблей во главе с флагманским кораблем российского флота «Двенадцать апостолов» под командованием самого Корнилова. Корабли салютовали художнику.

«Я как пчела»

С 1847 года Иван Константинович Айвазовский — профессор Петербургской академии художеств и член многих европейских академий, в том числе Римской и Амстердамской. Такой международный, интернациональный успех его творчества видится не случайным. Иван Айвазовский (настоящее имя — Ованес Айвазян), происходивший из семьи разорившегося армянского купца, вырос в культурном разноцветье, во многоязычной Феодосии, где жили армяне, татары, русские, турки, греки. Он впитал эти самые разные оттенки народных традиций, и позже в его работах засветятся

Закат над
Великой Лаврой.
Святой Афон.
1846

краски «восточной сказки» о море и зазвучит эхо древнегреческой эпической героики. Уже став признанным мастером и много путешествуя по Европе, наслаждаясь и изучая ее культуру, он признался: «Я, как пчела, собираю мед из цветника». Этот «разноцветный мед» органично переплавился в нем, из него выросла его художественная личность. Может быть, поэтому на голос Айвазовского в искусстве в равной степени откликались и «национальное достояние» Англии, художник-маринист Уильям Тёрнер, который посвятил марине* Айвазовского восхищенные стихи, и турецкие султаны, и папа Римский, наградивший художника золотой медалью за картину «Хаос», на что шуткой отозвался Гоголь: «Пришел ты, маленький человек с берегов Невы в Рим и сразу поднял Хаос в Ватикане».

В судьбе Ивана Константиновича значительную роль сыграли вполне конкретные человеческие связи и покровители. С каким счастливым постоянством его талант пестуют, продвигают, развивают, казалось бы, совсем случайные люди. Сначала градоначальник Феодосии Александр Иванович Казначеев, отметив раннее дарование нищего провинциального мальчика, определяет его в Симферопольскую гимназию и оставляет жить в своем доме, затем о зачислении Айвазовского в Петербургскую

академию на казенный счет хлопочет уважаемая губернская дама Наталья Федоровна Нарышкина. В Академии его «подхватывает» профессор живописи Максим Воробьев, в чей класс попадает студент Айвазовский. Воробьев вводит его в круг своих друзей: Жуковского, Крылова, писателя и драматурга Николая Гнедича. Эту эстафету можно проследить и далее. Возможно, эта легкокрылая щедрость судьбы позволила таланту Айвазовского расцвести так вдохновенно, в полную силу. В его живописном мире нет никаких надрывных трагических интонаций, а лишь счастливая благодарность миру, которая так ощутима в его поэтических маринах.

«Трескотня, вопли, вой...»

Творческая плодовитость Айвазовского была колоссальной, какой-то неиссякаемый «рог изобилия», что часто порождало упреки со стороны критиков в некой поверхностности его творчества. Айвазовский оставил нам около 6000 картин, для сравнения: Левитан написал около тысячи, Нестеров — несколько сотен. Житейское довольство, имение в Феодосии, по словам Чехова, «роскошное, несколько сказочное; такие имения, вероятно, можно видеть в Персии», и роль «отца города», благотворителя, мецената, который

* Марина — от *marin* (фр.) — морской. Произведение живописи, изображающее морской вид, морское сражение или иные события, происходящие на море. — Ред.

Буря ночью.
1864

проводит в Феодосии водопровод и строит археологический музей и картинную галерею, хлопочет о строительстве железной дороги и устраивает в городе пышные празднества, где гостей угощают супом «Черное море», пуншем «Везувий», ликером «Потоп» и десертом «Штиль» — все это названия картин Айвазовского. Сама атмосфера этих театральных обедов, сказочного имения легко согласуется с возвышенно-романтической атмосферой творчества самого Ивана Константиновича.

Романтизм*, с одной стороны, разукрашивал действительность, превращая ее в сказку, в грезу, где цветет идеальная жизнь, полная красоты и гармонии. «Вид Константинополя при лунном освещении» (1846) и «Море. Коктебель» (1853) Айвазовского, его лунные дорожки на глади ночного моря и «уснувшие» воды венецианской лагуны — перед нами сказка о море с ароматом таинственности, уводящая нас в прекрасные дальние дали.

С другой стороны, это искусство культивировало пафос свободы, индивидуального протеста,

* Романтизм — идейное и художественное направление конца XVIII — первой половины XIX века. — Ред.

героики, личности-титана или экзотический образ — словом, все, что бесконечно далеко от прозаичности, мелочности и банальности ежедневного существования. И здесь романтическая маринистика Айвазовского щедро одарила нас бурями и кораблекрушениями во всех частях света: «Буря на Ледовитом океане» (1864) «Буря на Северном море» (1865), «Петр I при Красной горке, зажигающий костер для сигнала гибнущим судам» (1846).

Эту тягу художника к внешним, «картинным» эффектам иронично прокомментировал Достоевский, сравнивая Айвазовского с Дюма-отцом: «Г-н Дюма пишет с необычайной легкостью и быстротой, господин Айвазовский тоже. И тот и другой поражают чрезвычайной эффектностью, потому что обыкновенных вещей они вовсе не пишут, презируют вещи обыкновенные... у того и у другого произведения имеют сказочный характер: бенгальские огни, трескотня, вопли, вой ветра, молнии...»

Однако за салонным искусством, частью которого было творчество Айвазовского, стоит особый тип сознания и мировоззрения, не коснувшись его, трудно выбрать верный критерий для оценки творчества салонных художников.

Море внутри

Можно согласиться с доктором искусствоведения Еленой Нестеровой, которая обобщила внутренний характер этого искусства: «В <нем> праздник заменил собой подвиг, фантастический вымысел — историческое предание. Ориентированное на идеальное, но, утратив возвышенное, оно предпочитало физическую красоту — духовной».

Сходную критическую ноту берет русский художественный критик, поэт и издатель Сергей Маковский, высказываясь конкретно о творчестве Айвазовского: «Айвазовский — маринист весьма одаренный, но нарядно пустой», подчеркивая отсутствие дальнейшего искания, утончения, углубления в темах и смыслах его творчества.

Эта идея, звучащая в некоторых рассуждениях о работах художника, во многом и сегодня определяет восприятие Айвазовского.

Однако, оставляя за границами своих интересов трагизм и глубину бытия, воплощая жизнь в ярком и даже преувеличенном блеске, акцентируя ее внешнюю красоту, салонное искусство обнажает некое глубинное томление человека по красоте, тяготение к миру идеала, оно смягчает ощущение тоски и нужду человека в гармонии. В нем есть что-то утешительное, в некоторой степени можно назвать его анестезией от будничной, а порой и трагичной реальности. И может быть, поэтому при всех рассуждениях о легковесности творчества Айвазовского возникает в своем роде парадоксальная ситуация: на выставках люди замирают перед его работами.

А еще и потому, что о его мастерстве ходили легенды. Известно, к примеру, что он виртуозно владел приемом лессировки, когда краски не смешивают на палитре, а каждую краску наносят отдельным слоем — тонким и прозрачным, и в результате достигают особой легкости или звучности тона, известно также, что он использовал специальные двухслойные плотные

грунты, которые и давали ощущение гладкой лаковой поверхности. Но что дают нам эти знания, когда мы смотрим на картину «Среди волн» (1898), которую Айвазовский написал в возрасте 82 лет! Нет и не может быть никаких точных, «аптекарских» рецептов для проникновения в сущность его мастерства.

Взбитая пена волн, написанная непрерывным мазком, который никто не мог повторить, стихия, ее дыхание, страстное и живое, ее изначальная, данная Творцом сила. Сам художник, а вместе с ним и зритель, словно насыщается этой пленяющей мощью природы. Эта работа последнего периода творчества Айвазовского, и здесь нет ни капельки декоративной нарядности — зрелая вещь безукоризненного мастера.

Айвазовский всегда писал «из головы», позже даже без эскизов, реальность была лишь начальным импульсом для работы, его маринистические музыкальные импровизации. Любопытно, что мастерская в его феодосийском доме окнами выходила на противоположную от моря сторону: «непременное условие моей мастерской — гладкие стены, не обвешанные ни картинами, ни эскизами. Удаление от местности, изображаемой на моей картине, заставляет лишь явственнее и живее выступать все ее подробности в моем воображении». Может быть, этим пренебрежением натурой и объясняется необыкновенная быстрота его работы.

Мистика или фантастика?

Даже когда Айвазовский брался за библейские темы, он оставался маринистом, выбирая те сюжеты, где морская стихия играет не последнее значение: «Всемирный потоп», «Сотворение мира», «Христос на Генисаретском озере», «Хожделение по водам».

Трудно объяснить, почему Айвазовский вдруг обратился к библейским сюжетам, заинтересовался метафизическими вопросами. По его маринам трудно отследить вектор его духовных движений, почувствовать противоречия внутри самого человека, личный душевный опыт автора. В письмах, записях, он также не выходит, так сказать, на «диалог с вечностью». Но, как бы то ни было, к евангельскому сюжету «Хожделение по водам» он обращался с верным постоянством и в разные годы сделал шесть вариантов картины. Последний завершен в 1897 году, за два года до смерти художника.

Перед нами момент, когда лодка с учениками Христа попала в шторм на море: *А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал ему в ответ: Господи! Если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! Спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! Зачем ты усомнился? И, когда вошли они в лодку, ветер утих (Мф 14: 24–32).* ➡

Черное море. 1881

В вечных образах христианской культуры Айвазовский пытается осмыслить тему героического доверия Богу со стороны человека при любых бурях житейских — внешних и внутренних. Здесь очевидна символика моря как моря житейского.

Но в художественной трактовке сюжета Айвазовский остается прежде всего романтиком, с неизбежным для романтизма соскальзыванием в патетику: светящаяся холодным лунным светом фигура Христа, что и впрямь делает Его похожим на призрак, мерцающий свет на воде, серо-синеватый, «ночной» тон задают не мистический, а скорее фантастический строй в картине. Внешние эффекты главенствуют над духовной значимостью. Мистические намерения художника не оправдались.

«Черное море»

А вот в марине «Черное море» Айвазовскому неожиданно удается подняться до уровня не сентиментального, а истинного религиозного пафоса. Тема морской стихии здесь обобщена, поднята на уровень «космического», библейского масштаба, хотя вроде бы прямые отсылки к Писанию на полотне и отсутствуют.

Думается, что такой прорыв в «Черном море» действительно произошел неожиданно, ничто за рамками этой работы не предполагает сознательных глубинных мировоззренческих поисков со стороны автора. Он по-прежнему остается «певцом моря», но это тот самый случай,

когда Богом данное вдохновение превосходит сознательные намерения автора.

Картина написана в 1881 году, в эпоху, когда романтическое настроение в искусстве заметно шло на убыль. Живопись Айвазовского становится более реалистичной, на смену пестроцветью приходит сдержанная цветовая палитра.

Полотно разделено на две равные части: две стихии — небесная и морская в своей первозданной сущности. Несмотря на изображение волнующегося моря, есть в этой работе какое-то внутреннее спокойствие, самодостаточность. Здесь все просто и мудро: величие творения, и контрастом с этой безграничной, первичной мощью на линии горизонта видна крохотная, едва различимая точка корабля — единственный след человеческого присутствия на картине. Зритель, подобно этому крошечному кораблю, теряет себя в безграничном пространстве. Перед нами, как в первые дни творения, открывается нерукотворный мир Божий, и как-то непосредственно, без нажима приходит чувство смирения перед величием Творца.

Именно об этой картине Крамской отозвался как об одной из «самых грандиозных» в живописи.

Художника всегда оценивают по его вершинам. Глядя на «Черное море» Айвазовского, не будет преувеличенной похвалой согласиться с Крамским: «Айвазовский, кто бы и что ни говорил, есть звезда первой величины... и не только у нас, а в истории искусства вообще». **Ф.**

Инна Волошина

Благодарим издательство «Белый город» за предоставленные репродукции

Хожделение
по водам.
1888

